

РЕКОНСТРУКТОР

Пролог

Император Руссарии был молод, по мнению некоторых членов правительства даже слишком молод, — ему едва перевалило за третий десяток. К тому же большинство министров считало, что его непомерное увлечение техническими диковинками и новинками, спонсирование разработок различных «проходимцев» ведет к излишней растрате итак небогатого бюджета. Говорили пока об этом за спиной, полушепотом, но с каждым годом этот шепот становился все громче и громче.

— Проходимцев... — Император ухмыльнулся и, покачав головой, кинул на стол папку с отчетом испытательной комиссии, после чего с хрустом потянулся. — Что ж, возможно, они не так уж не правы...

Поднявшись из удобного кресла, обитого дорогим красных бархатом, он подошел к окну и несколько минут рассеянно смотрел на пустынную придворцовую площадь.

— Может, они и правы, — повторил император. — Но что же делать? Что?

Он прижался лбом к стеклу, чувствуя, как его прохлада несколько остужает разгоряченный бессонницей мозг, думая, что слишком многое свалилось на него за последние годы. Еще каких-то шесть лет назад он был обычным каплеем на Северном флоте и вот теперь властитель разоренной последней войной некогда великой страны. Голод, разруха, неподчинение окраин центру, разгул бандитизма — вот лишь малый перечень того, что оставил ему в наследство так безвременно умерший отец. Сейчас даже и не подумаешь, что каких-то десять-пятнадцать лет назад Руссария считалась одной из величайших держав Ендорского континента и вступила в войну с Геранией в рассвете своего могущества, исполняя союзнический долг по отношению к странам

Артанской коалиции. Война ожидалась не особо затяжной, ибо по всем разведанным армия Герании находилась в довольно плачевном состоянии, однако на деле все оказалось не так... Совсем не так. Император тяжело вздохнул.

На самом деле их войска встретились с прекрасно оснащенным противником, который к тому же обладал передовым вооружением и далеко не в единичных экземплярах, как порой бывало в их армии. Взять, к примеру, те же танки. На начало войны у Руссарии их было всего около двадцати штук, и они являлись гордостью инженерной мысли империи. Лично он никогда не забудет, как впервые увидел эти угловатые громадины размером с двухэтажный дом, медленно ползущие вдоль трибуны, на которой его отец принимал парад. Тогда, при виде этих стальных монстров, его охватил просто-таки дикий восторг вперемешку с огромной гордостью — гордостью за свою страну, ее мощь и силу.

Увы, у Герании танков оказалось в десять раз больше.

Первая же серьезная битва показала превосходство армии противника над войсками союзников и была выиграна лишь благодаря какому-то чуду и героизму руссарских солдат. К сожалению, это была лишь одна победа в череде более серьезных поражений. Мало того, Артанская коалиция принялась разваливаться подобно карточному домику, а некоторые ее члены даже присоединились к Герании, обратив свое оружие против бывших союзников. Пять лет... пять лет кровопролитнейшей войны, финалом которой стал позорнейший мир, заключенный на условиях победителя, по которому страна теряла около пятнадцати процентов своих территорий. Это настолько подкосило здоровье отца, что через пару лет после подписания договора он скончался, оставив полуразрушенную страну своему сыну.

Молодой император провел пальцем по стеклу, запотевшему от его дыхания, и, развернувшись, вернулся к столу. Открыв резную шкатулку, он пару минут мял в пальцах дорогую гайтонскую арому, рассеянно оглядывая заваленный папками и чертежами стол, затем зубами откусил её кончик и, выплюнув тот в урну, щелкнул зажигалкой.

Конечно, все это ерунда, и тут его министры тысячу раз правы, но все же есть надежда, что среди этих фантастических проектов найдется хоть один, который послужит на благо страны.

А страну надо восстанавливать — восстанавливать и собирать в кулак. И перво-наперво нужно привести в порядок практически деморализованную армию, восстановить ее боеспособность и вооружить новейшим оружием, ибо война в любой момент может вспыхнуть с новой силой. Он, в отличие от некоторых своих министров, не строил иллюзий насчет мира с Геранией. Следовало понимать, что та пошла на подписание мирного договора из-за начавшихся проблем в своей экономике, довольно сильно подорванной войной на несколько фронтов. И вот, спустя семь лет такого нужного для всех мира доклады тайной канцелярии вновь неутешительны: Герания ударными темпами наращивает военный потенциал, а заставки их газет пестрят воинственными лозунгами.

«Мало времени, слишком мало, нам бы еще лет десять», — растерянно подумал император, устало опускаясь в любимое кресло. Конечно, прошедшие годы не были потрачены впустую и сделано уже немало, но и «дров наломано» им достаточно, особенно в первые пару лет после принятия короны. Он усмехнулся своим воспоминаниям и, стряхнув пепел в изящную пепельницу, выполненную в виде мифического змея, взял из стопки следующую папку.

«Снаряд, движимый посредством реактивной струи».

Что за бред? Император быстро пролистал несколько покрытых не очень разборчивым почерком страниц, бегло просмотрел вложенные в папку непонятные чертежи и уже хотел было бросить ее в стопку с подобной ерундой, но почему-то остановился. Вновь открыв папку, он несколько минут задумчиво смотрел на странный остроносый снаряд, снабженный небольшими крыльями, затем тяжело вздохнул.

— Министры меня точно заставят отречься, — пробормотал он и размашистым почерком вывел на обложке папки: «Выделить подателю сего документа на разработку проекта двадцать импернов»¹.

¹*Имперн* — денежная единица Руссарии. 1 имперн = 100 злотен = 1000 частичков.

Часть первая

АЭРОНАВТ

Глава 1

Сергей Ратный откинулся в кресле и, сжав кулаки, со злостью обрушил их на подлокотники. Что за ерунда, такого просто не может быть! И ладно бы выход из строя какого-то блока компьютера, это, несмотря на их надежность, иногда случается, но одновременный отказ практически всей бортовой электроники — это что-то вообще из разряда фантастики. Мало того, полетели и дублирующие системы, а главный компьютер вообще впал в состояние некой прострации, практически не реагируя на команды. Он лишь изредка оглашал рубку корабля пронзительным сигналом тревоги, констатируя очередной отказ оборудования.

Сергей вздохнул и, поднявшись из кресла, подошел к вмонтированному в стену техническому шкафчику. Пару минут перебирал лежащие там инструменты, постоянно морщась от очередного вопля тревоги, и в результате остановил свой выбор на детекторной отвертке и молекуляторе. Подойдя к приборной панели, он отщелкнул держащие пластиковую облицовку клипсы и принялся копать в ее разноцветных мерцающих внутренностях. Наконец, сирена взвыла последний раз и замолкла, а в кабине корабля, зависшего над четвертой планетой неизвестной системы желтого карлика, наступила тишина.

Мужчина удовлетворенно усмехнулся и, поставив панель на место, вернулся к креслу пилота. На этот раз компьютер отошел на прикосновение рук человека к сенсорам клавиатуры и, послушно открыл схему корабля, начав посекторный доклад о неисправностях. Ратный, нахмуясь, слушал механический голос компьютера, перечислявший полученные повреждения, чувствуя, как по спине ползут противные мурашки страха. Судя по докладу компьютера, произошло разрушение трех из пяти

стабилизирующих блоков реактора, что вызвало неконтролируемый выброс энергии. Компьютер корабля заметил опасность и попытался перевести системы звездолета на резервные источники питания, но — увы! — не успел.

— Твою ж... — только и пробормотал Сергей.

Подобную поломку они изучали в академии в разделе гипотетических. Процент выхода из строя сразу двух стабилизаторов, представляющих собой монокомпозиционные k-стержни, был просто ничтожным, а уж выход сразу трех... Тем не менее данный факт он именно сейчас наблюдал.

«Чертова консервная банка!» — мысленно выругался Ратный. И ведь планировал дожидаться рейсового челнока, но не захотел сидеть без дела целых полтора месяца, поэтому и решил отправиться грузовым шаттлом. В принципе, он и раньше так делал, пользуясь своим служебным положением, да и не он один. Подобные корабли во множестве курсировали в автоматическом режиме между ближайшими звездными системами, перевозя не особо ценные грузы: от обычной руды, до продуктов питания и различных запчастей. Обычно это были старые звездолеты, списанные с дальних трасс, частично распотрошенные и превращенные в межпланетные грузовозы — металлические коробки с двигателями и электронными мозгами. Ему, правда, повезло, его корабль, бывший в прошлом десантным шлюпом, еще сохранил часть своей начинки, ибо применялся для курьерской доставки небольших грузов, и перелет можно было осуществить хоть с некоторым комфортом, хотя сейчас от этого не легче. С таким реактором корабль долго не протянет, вообще оставалось только удивляться, как эта старая консервная банка не превратилась в облако раскаленной плазмы.

— Компьютер, состояние реактора?

— Критическое, — проскрипел динамик.

— Как будто сам не вижу, — буркнул Сергей, откидываясь в кресле. — Восстановить есть возможность?

— Вероятность стремится к нулю. Бортовые ремонтные системы функционируют на двадцать процентов.

— Да и они бы не помогли, — пробормотал себе он под нос, прекрасно понимая, что поломки подобных масштабов можно устранить только в планетарных доках. Вздохнув и рассеянно взъерошив волосы, скомандовал: — Дай-ка мне еще раз общее

состояние систем и рекомендации, а также подготовь систему дальсвязи.

— Принят...

Монитор компьютера неожиданно пошел разноцветной рябью и резко погас, а следом за ним отрубился и свет в кабине. Пару мгновений Сергей находился в абсолютной темноте, пока не вспыхнули тускло-голубые лампы аварийного освещения, после включения которых по кораблю разнесся механический голос компьютера:

— Внимание, реактор поврежден, начато гашение активной зоны, до полной остановки осталось тридцать четыре часа двадцать минут. Внимание: секторы семь, пять и шесть блока «Д» будут заблокированы через десять минут, всем находящимся в данных зонах членам экипажа просьба срочно их покинуть.

— Это еще что за нафиг?! — Сергей, резко выпрямился и пробежался пальцами по клавиатуре, однако компьютер никак не отреагировал: — Черт!

Парень вскочил с места, буквально сорвал облицовку приборной панели и пару минут разглядывал ее внутренности, затем отбросил пластиковую крышку в сторону и бегом бросился прочь с мостика. Судя по всему, дела у судна шли совсем плохо, а значит, единственным безопасным местом будет спасательная шлюпка. Слава богу, ее еще не успели снять с превращенного в грузовик корабля. Вот только сначала нужно было заскочить в каюту за вещами. Он на секунду остановился на перекрестке, чтобы сориентироваться, и, бросив беглый взгляд на табличку, повернул в правый коридор — шлюп был немаленьким, а каюты располагались чуть ли не на корме. Конечно, существует вероятность, что уцелевшая автоматика все же стабилизирует состояние корабля и тогда останется только набраться терпения и дожидаться спасателей, но рисковать как-то не хотелось. К тому же в шлюпке даже удобнее, чем в пустой каюте.

Сергей мысленно усмехнулся и ускорил шаг. Вообще, после того как корабль перевели в разряд автоматических грузовиков, из него выдрали все, что было не особо нужно для его функционирования — всё, вплоть до пластиковой обивки кроватных полок в каютах. Десантные корабли и так никогда не отличались особыми удобствами, теперь же это была просто пустая консервная банка, запрограммированная на полет из точки «А» в точку «Б».

Оставалось только удивляться, почему не была демонтирована спасательная шлюпка, а кабина сохранила кресла экипажа и даже систему кондиционирования. Кстати, шлюпку он обнаружил совершенно случайно, во время своего очередного обхода корабля. Лететь надо было три дня, делать было нечего, а валяться в каюте особого желания не было, да и не особо там повальяешься — каюту распотрошили основательно. Хорошо хоть один из готовивших корабль к полету техников, узнав о пассажире, принес ему матрац и термоодеяло, что позволило Сергею обустроиться хоть с какими-то минимальными удобствами. В принципе, бывало и хуже. Например, однажды ему пришлось два дня трястись в контейнере-ровозе и спать прямо среди ящиков с какими-то запчастями, используя вместо подстилки кусок пластиковой обшивки, а вместо подушки свою куртку, — и ничего, долетел. Да по сравнению с тем полетом, тут были просто райские условия; бывшая офицерская каюта, более или менее нормальная постель и сумка с продуктами, что собрали провожающие его друзья.

К тому же у бортового компьютера оказался открытый интерфейс, и можно было скоротать время за нехитрыми игрушками, обнаруженными им в одной из вкладок. Вообще у Сергея создалось такое впечатление, что те, кто переделывал космолет, почему-то действовали в спешке, а может, просто проявили небрежность. Обычно у бывших военных кораблей бортовые компьютеры либо полностью демонтировали, либо перепрограммировали, ибо даже если в них не хранилось важных или секретных сведений, то они были заточены под выполнение определенных задач. Здесь же систему управления полностью заменили, а вот центральный компьютер почему-то оставили прежним. Мало того, интерфейс управления был полностью открытым, так что при желании и наличии нужных знаний можно было спокойно увести эту старую калошу куда угодно.

Знания у него в этой области были, потому что он прошел обязательное трехмесячное обучение пилотированию, но особого желания баловаться с управлением космического корабля как-то не возникало. А ведь когда-то он такую возможность посчитал бы за невиданное счастье и еще в старших классах хотел стать космолетчиком или дальразведчиком, зачитывался об их приключениях на новых планетах, мечтал быть похожим на этих отважных героев. Надо признаться, что это юношеское увлечение как-то

быстро прошло, и пару лет после окончания школы он метался по миру, ища себя в разных специальностях. В результате, сам того не ожидая, поступил на кафедру Томской академии авиации и космонавтики по специальности «Инженер-проектировщик атмосферных судов». Закончив его, год работал в конструкторском бюро, проектируя межконтинентальные лайнеры, а потом уволился, неожиданно осознав, что это не его. Правда, на этот раз его ничегонеделание продолжалось недолго. Как-то со своей девушкой он пошел на выставку, где демонстрировались различные летательные аппараты прошлого, причем не только земные. И вот тогда, глядя на эти раритеты, Сергей понял, что заболел... заболел этими необычными на вид, гремящими, рычащими, пыхтящими аппаратами, пришедшими в его двадцать пятое столетие из глубины веков и различных миров. Он целый день провел на выставке, бродя среди всех этих дирижаблей, воздушных шаров, бипланов, трипланов, старинных реактивных самолетов. Поражаясь странным приспособлениям для полетов, что использовали аборигены одной планеты с низкой гравитацией и замудренным названием. Его девушка давно уже ушла, на прощанье повертев пальцем у виска, а он, как ни странно, даже не расстроился. На эту выставку он ходил вплоть до ее закрытия, каждый раз с замиранием сердца наблюдая за полетом старинных машин, а после нее подал заявление в Рязанский институт авиационного и космического приборостроения на кафедру историко-технического реконструирования.

Инженер-реконструктор — специальность, которая неожиданно стала востребована в межпланетной археологии. Дело в том, что проводимые учеными раскопки на различных планетах принесли им множество технических артефактов, и чтобы восстановить их хотя бы примерный вид, часто требовались специфические инженерно-технические знания. Первыми помощниками археологов, естественно, стали техники и механики экспедиций, но часто их познаний не хватало, и вскоре на раскопки стали приглашать различных инженеров — так появились реконструкторы. Профессия, не самая оплачиваемая и первое время держащаяся исключительно на энтузиазме самих реконструкторов, постепенно переросла в нечто большее, а специалисты в этой области стали пользоваться стабильным спросом. Постепенно появились и учебные заведения, готовившие реконструкторов, — дикий сплав из историка, археолога и инженера-конструктора.

Сергея приняли почти сразу (сказался его инженерный диплом ТомААка), и через год он уже отправился в свой первый полет на планету, что расположилась в тридцати световых годах от Солнечной системы.

Семь месяцев он по крупицам восстанавливал образ найденного там летательного аппарата, больше всего похожего на биплан начала двадцатого века, а когда тот поднялся в воздух и пронесся над его головой, то ощутил какую-то дикую эйфорию. В тот день он будто очумелый бегал по взлетному полю, что-то крича, размахивая руками и совершенно не обращая внимания на удивленные взгляды археологов и местных аборигенов.

Ратный заскочил в каюту, споткнулся о невесть откуда взявшийся на полу баллон огнетушителя и, мысленно выругавшись, принялся спешно запихивать в сумку валяющиеся на кровати вещи. Тусклый цвет с цепочкой моргающих в коридоре огоньков тревоги несколько действовал на нервы, заставляя его спешить.

— Внимание, внимание, отказ дубль-контура, высока вероятность утечки реактора, всему экипажу срочно... — голос компьютера резко оборвался, сменившись противным треском. Затем все смолкло.

Парень на секунду замер, удивленно прислушиваясь к наступившей тишине, затем подхватил недособранную сумку и бросился бегом по коридору, ощущая в коленях противную слабость, — похоже все было хуже, чем он думал. К счастью, шлюпка встретила его ярким светом, который на мгновение заставил Сергея прищуриться. Нырнув в ее нутро и пройдя между рядами амортизационных кресел, он бросил сумку на пол, после чего склонился над приборной панелью. От легкого прикосновения руки та тут же призывно замерцала разноцветными огоньками, а бортовой компьютер коротко пискнул, сообщая своему пассажиру, что готов к приему команд, и по его экрану побежали строчки краткого отчета о состоянии всех систем шлюпки. Сергей уселся в кресло пилота, чувствуя, как оно зашевелилось точно живое существо, подстраиваясь под очертания тела человека, и попытался соединиться с центральным компьютером корабля. Увы, но тот был недоступен. Чертыхнувшись, он уже хотел вер-